

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера) [Письмо X: Тоокео, 16, 17 ноября 1890 г.] // Богословский вестник 1896. Т. 2. № 5. С. 298–316 (2-я пагин.). (Продолжение.)

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

(Письма японскаго миссіонера) ¹⁾.

ПИСЬМО X.

16 Ноября. Тоокео.

У насъ сегодня праздникъ. Празднуемъ провозглашеніе конституціи. По городу ликованіе. Всюду флаги, японскіе фонари. Толпы разряженнаго народа наполняютъ улицы и площади. Ждутъ проѣзда императора. Мы, на своемъ Суругадаѣ, не остались равнодушными къ этому торжеству. Служили молебень съ многолѣтіемъ японскому царствующему дому. Вчера въ семинаріи былъ „симбокуквай“. Были на немъ и мы. Обстановка, конечно, уже знакомая. Только приглашеніе было нѣсколько иное. Въ комнату пришло трое семинаристовъ, подали пригласительный билетъ. У нихъ, оказывается, для печатанья такихъ билетовъ даже особый штемпель заведенъ. Подавши билетъ компанія не спѣшила уходить, а умильно посматривала прямо въ глаза. Это значитъ за билетъ нужно платить. Со всѣхъ учителей собирается, такимъ образомъ, дань. На это покупаютъ угощеній и празднуютъ.

Краснорѣчію, конечно, не было границъ. Удивительная способность у этихъ японцевъ говорить. Любого вставьте экспромптомъ, и онъ ничуть не сконфузится. Мало того: у нихъ какая-то страсть говорить, точно языки чешутся. Наши христіане устроили въ Тоокео публичное „говорильное собраніе“ по поводу провозглашенія конституціи.

Конечно, здѣсь не безъ пользы. Изъ этихъ говорильныхъ собраній (ензецу-квай“ — буквально: собраніе для рѣчей)

¹⁾ См. Б. В. Апрѣль.

язычники могутъ кое-что узнать и о христіанствѣ. Хотя теперь этимъ японскимъ обычаемъ уже слишкомъ злоупотребляютъ. Соберется нѣсколько человѣкъ проповѣдниковъ, японцевъ и иностранныхъ, и начинаютъ одинъ за другимъ говорить на разныя темы. Каждый, конечно, скажетъ можетъ быть дѣло. Но, если нанизать одну на другую нѣсколько рѣчей, притомъ о предметѣ не совсѣмъ извѣстномъ, то въ головѣ получится такая путаница, что придя домой бѣдный слушатель не сможетъ и разобраться. Какъ реклама о христіанствѣ, такія собранія хороши, но лишь покуда христіанство неизвѣстно, и для того, чтобы возбудить къ нему интересъ. Но прямой пользы, т. е. искреннихъ обращеній, отъ такихъ безпланыхъ и шумящихъ говорильныхъ собраній обыкновенно не бываетъ.

Я за все это время много говорилъ съ преосв. Николаемъ о прошломъ и настоящемъ нашей миссіи. Много пришлось узнать поучительнаго и замѣчательнаго. Сообщу, что знаю и запомнилъ.

Это было, должно быть, въ 1857 году или около того. Въ Петербургскую Академію (Духовную) пришло изъ Синода предложеніе, не пожелаетъ ли кто изъ студентовъ ѣхать консульскимъ священникомъ въ Хакодате въ Японію, съ тѣмъ, чтобы, если представится возможность, начать тамъ и христіанскую проповѣдь. Подписалось нѣсколько человѣкъ, но всѣ хотѣли ѣхать женатыми священниками. Подошелъ къ подписному листу и студентъ Косаткинъ. Онъ раньше никогда не думалъ о монашествѣ, хотя зналъ, что будетъ на службѣ церкви. „Не ѣхать ли мнѣ?“ спросилъ онъ себя. „Да, нужно ѣхать, прозвучало въ его совѣсти. Только не женатымъ. Что-нибудь одно или семейство или миссія, да еще въ такой дали и въ неизвѣстной странѣ“. Онъ подписался; что хочетъ ѣхать съ принятіемъ монашества. А на слѣдующій день онъ подалъ ректору академіи и прошеніе о постриженіи. Такъ вдругъ совершился этотъ поворотъ, и совершился навсегда: съ тѣхъ поръ о. Николай уже не зналъ и не знаетъ никого и ничего кромѣ церкви и насажденной имъ миссіи.

Ѣхать тогда пришлось чрезъ Сибирь. Въ Николаевскѣ о. Николай зимовалъ, и здѣсь встрѣтился съ другимъ великимъ миссіонеромъ преосв. Пиннокентіемъ. Святитель

отечески обласкалъ юнаго миссіонера. Много ему говорилъ о его будущемъ дѣлѣ, давалъ всякія наставленія.

„А есть ли у тебя ряса-то хорошая?“ спросилъ разъ Владыка.

„Конечно, есть“.

Однако Владыкѣ академическая ряса не понравилась.

„Поѣдешь туда, всѣ будутъ смотрѣть, какой-де онъ, что у нихъ за священники. Нужно сразу внушить имъ уваженіе. Покунай бархату“.

Бархатъ купленъ. Владыка вооружился ножницами и выкроилъ рясу для о. Николая.

„Вотъ,—такъ-то лучше будетъ. А есть ли крестъ?“

Креста еще не было: онъ дожидаль о. Николая въ Хакодате.

„Ну, возьми хоть вотъ этотъ, сказалъ Владыка, надѣвая на шею о. Николаю бронзовый крестъ за севастопольскую компанію.

„Оно хоть и не совсѣмъ по формѣ, да все-таки крестъ, а безъ него являться къ японцамъ не годится. Да и не одни японцы, и европейцы будутъ смотрѣть“.

Въ такомъ импровизованномъ костюмѣ, о. Николай ступилъ на японскую почву.

„Когда я ѣхалъ туда, говорилъ онъ, я много мечталъ о своей Японіи. Она рисовалась въ моемъ воображеніи, какъ невеста, поджидавшая моего прихода съ букетомъ въ рукахъ. Вотъ пронесется въ ея тѣмѣ вѣсть о Христѣ, и все обновится. Приѣхалъ, смотрю, — моя невеста спитъ самымъ прозаическимъ образомъ и даже и не думаетъ обо мнѣ“.

Тогда Японія только что была открыта для европейцевъ. Всѣ прежніе порядки сегунскаго времени были еще во всей силѣ. Японцы не только чуждались европейцевъ, но и прямо ненавидѣли ихъ. Нерѣдко изъ-за угла рубили европейцевъ саблями, бросали въ нихъ камнями. Жизнь была вообще неспокойная и даже опасная.

О проповѣди нельзя было еще и думать. Даже учителя японскаго языка трудно было найти. Всѣхъ сообщающихся съ европейцами подозрѣвали, смотрѣли на нихъ косо и даже преслѣдовали. Никто сначала не соглашался. Одного о. Николай было нанялъ. Проучился съ нимъ дня два, а потомъ смотреть, учитель не только не идетъ на урокъ,

но и встрѣтиться съ о. Николаемъ не хотеть, боится преслѣдованія. На первыхъ порахъ пришлось ограничиться только службой въ консульской церкви и исполненіемъ требъ для русскихъ, которые попадали въ Хакодате. У инославныхъ христіанъ тогда еще не было духовныхъ лицъ, и вотъ о. Николай сталъ пастыремъ для всѣхъ нихъ. Многіе больные звали его, ища себѣ духовнаго утѣшенія. Всѣ семейныя событія, праздники гражданскіе не обходились безъ о. Николая. Всѣ христіане, такимъ образомъ, безъ различія вѣроисповѣданій сплотились, среди ненавидящей ихъ толпы язычниковъ, въ тѣсный кружокъ около о. Николая.

Скоро, однако, японцы попривыкли къ европейцамъ, учителя найти оказалось возможнымъ, а къ инославнымъ пріѣхали свои духовные, протестанты и католики. Для о. Николая настала другая жизнь; онъ засѣлъ за языкъ и литературу японцевъ, и изучалъ все это не разгибая спины въ продолженіи восьми лѣтъ. Прочиталъ съ учителемъ китайскихъ классиковъ, прочиталъ японскую исторію, прочиталъ разныя сочиненія японскихъ писателей древняго и новаго времени (въ этой области о. Николай и среди японцевъ можетъ быть названъ специалистомъ) Затѣмъ пошелъ буддизмъ. О. Николай началъ приглашать къ себѣ бонзъ (буддійскихъ духовныхъ) и съ ними прочелъ добрую часть трудной для пониманія (даже непонятной безъ хорошаго комментарія) буддійской литературы. Читалъ все это съ увлеченіемъ, весь отдаваясь своему дѣлу. Учителя не выносили такой напряженной работы, требовали себѣ отдыха, тогда о. Николай нанималъ себѣ двоихъ-троихъ учителей, и все читалъ и читалъ, стараясь проникнуть въ душу японскаго народа, просвѣтить который свѣтомъ Христовымъ онъ пріѣхалъ. Онъ и теперь съ восторгомъ вспоминаетъ это время напряженнаго и вмѣстѣ тихаго, кабинетнаго труда, и, какъ всякій горячій дѣятель, думаетъ, что онъ и теперь бы въ такой тишинѣ нашелъ себѣ отдыхъ.

Освоившись съ языкомъ, о. Николай началъ присматриваться и къ жизни. Ходилъ по домамъ, знакомился съ жителями Хакодате. Не пропускалъ случая посѣтить какого-нибудь заѣзжаго рассказчика. Въ Японіи существуетъ особая профессія: рассказчикъ. Это приблизительно тоже, что

у насъ какой-нибудь писатель, беллетристъ, только публично (въ каждомъ городѣ есть особая, общественная зала-говорильня, гдѣ происходятъ эти публичные рассказы). Въ нѣсколько чтеній онъ рассказываетъ цѣлую исторію, все это стенографически записывается, и потомъ печатается, и романъ готовъ. Слушать такого рассказчика полезно не только для практики въ языкѣ, но главнымъ образомъ для изученія японской жизни и характера. Міровоззрѣніе этого народа становится понятнымъ, его завѣтныя думы и идеалы обнаруживаются.

Ходилъ о. Николай слушать и буддійскихъ проповѣдниковъ. Этихъ больше конечно, для языка, потому что изъ этой проповѣди едва ли кто пойметъ сущность буддизма. Цѣль проповѣди у буддистовъ не столько научить своихъ слушателей, сколько ихъ разжалобить, разчувствовать. На это они мастера первой руки. Тутъ идутъ въ ходъ и жесты, и интонація голоса, и взгляды, и искусственное сгущеніе красокъ и пр. Проповѣдники, вообще, есть прямо образцовые со стороны языка и произношенія. Слушать ихъ, пожалуй, даже полезно. Но ученіе буддизма у нихъ узнать трудно. Вся эта проповѣдь и все пастырское руководство въ буддизмѣ основано на лжи. Бога въ буддизмѣ нѣтъ и быть не можетъ. Буддизмъ есть попытка объяснить міръ и человѣческую жизнь безъ Бога, и конечно, приходитъ къ полному отчаянію. Цѣль его пустота. Бонзы (по крайней мѣрѣ, образованные) все это знаютъ и понимаютъ, они знаютъ, что, въ частности, всѣ безчисленныя божества, которыми обогатился буддизмъ или отъ другихъ религій или произведши въ боги разныхъ своихъ учителей, всѣ эти божества ничто иное, какъ умершіе т. е. по ихъ понятію превратившіеся въ ничто люди или даже прямо лишь олицетворенныя идеи. Они это знаютъ, но знаютъ также и то, что молитва, т. е. стремленіе человѣка къ буддѣ, духовная родственность съ нимъ, можетъ спасти человѣка, сдѣлать его способнымъ быть въ нирванѣ. И вотъ бонзы начинаютъ учить народъ молитвѣ, заставляюгъ его кланяться золоченымъ статуямъ, курить өміамъ, плакать предъ разными Амида-буцу, Кванномъ-сама, просить ихъ о своемъ спасеніи. Они учатъ народъ всему этому, отлично зная, что все это пустая комедія, что никакого Кваннонь

нѣтъ, нужно только это безпредметное разгоряченіе души, это ея стремленіе въ нирвану, которое одно спасаетъ. Народъ-де не можетъ понять высоты этого ученія, необходимо его вести обманомъ, они и ведутъ, они и обманываютъ своихъ вѣрующихъ, гордясь передъ ними своимъ совершеннымъ знаніемъ и презирая всѣхъ ихъ, какъ глуное, легковѣрное стадо. Въ этой коренной ложности положенія буддійскаго духовенства и заключается причина его безповоротной порчи, извращенія самаго существа ихъ совѣсти. Поэтому, даже и послѣ принятія христіанства, не смотря на все свое краснорѣчіе, и всю способность владѣть словомъ надъ душами слушателей, не многіе изъ нихъ дѣлаются надежными катихизаторами. Всегда можно опасаться, что старая закваска опять всплываетъ наружу.

А проповѣдники, дѣйствительно, замѣчательные. Обыкновенные, сельскіе бонзы по большей части совсѣмъ необразованы, знаютъ съ грѣхомъ пополамъ читать свои служебники, да и ихъ понимать не могутъ. Проповѣдниками дѣлаются люди образованные, окончившіе курсъ въ какой-нибудь хорошей буддійской школѣ, какихъ нѣсколько есть при главныхъ храмахъ. Ихъ обычно и посылаютъ въ проповѣдническое путешествіе по Японіи. Приѣдетъ такой проповѣдникъ въ извѣстный городъ, проживетъ въ немъ съ недѣлю или болѣе, говоря цѣлую серію проповѣдей на извѣстную тему, потомъ отправляется въ дальнѣйшій путь.

Одинъ разъ за эти восемь лѣтъ о. Николаю пришлось побывать и въ японской столицѣ, въ Тоокео (тогда здѣсь еще жила сегунъ). Консуль, отправляясь для представленія сегуну, взялъ и его въ числѣ своей свиты. Тогда это посольство еще не могло безопасно пройти по улицамъ столицы. У японцевъ-самураевъ есть черта въ высшей степени не рыцарская, почти животная: это бить своего безоружнаго врага или просто иностранца, котораго представляютъ врагомъ. Пусть иностранецъ будетъ совсѣмъ безоружія, пусть онъ будетъ не въ состояніи защитить себя, самурай не преминетъ или лучше не постѣснитса зарѣзать его, да и это сдѣлаетъ непремѣнно изъ-за угла, или сзади. Впрочемъ, у самураевъ были обычай и еще болѣе гнусные. Напр., человѣку нужно попробовать новую саблю. Для

этой цѣли отнюдь не считалось предосудительнымъ (по крайней мѣрѣ, въ совѣсти пойти на первую улицу ночью и зарубить перваго попавшагося нищаго, будь онъ старикъ или молодой. А иногда просто становились за уголь и отрубали голову тому, кто на этотъ разъ вздумаетъ пройти этимъ путемъ. Встануть утромъ обитатели, увидятъ лежащій трупъ: „А, это должно быть кто-нибудь пробовалъ саблю“. Впослѣдствіи учитель мой мнѣ рассказывалъ, что въ старину у нихъ считалось ловкостью, подкрасться сзади къ троицѣ идущимъ подрядъ людямъ и отмахнуть голову среднему не задѣвая боковыхъ. И онъ, повидимому, не сознавалъ всей гнусности этого бессмысленнаго убійства подобнаго себѣ человѣка (учитель мой былъ язычникъ), для него это просто былъ непорядокъ, некультурный обычай, не болѣе.

Понятно, какъ можно было полагаться на такихъ милыхъ обитателей. Посольство въ Тоокео должно было ходить подъ сильнымъ конвоемъ, да и при этомъ, однажды, когда они сдѣлали торжественный визитъ сегуну, имъ пришлось возвращаться уже другой дорогой. И это въ самой столицѣ сегуна.

О. Николай, однако, осмотрѣлъ городъ. Простой народъ (купцы, ремесленники) такой ненависти не имѣютъ, онъ скорѣе съ любопытствомъ встрѣчалъ конную фигуру иностранца, ростомъ чуть не вдвое выше обычнаго японца (преосв. очень высокъ), окруженную сегунскимъ конвоемъ. Когда онъ вошелъ въ одну лавку, чтобы купить чего-то, вся площадь, на которой была лавка, покрылась народомъ, ужъ очень было любопытно посмотрѣть на „идзина“. Увидя наконецъ, о. Николая, толпа привѣтствовала его оглушающимъ крикомъ, добродушно смѣясь на него. Да, прибавлялъ преосв., было время, когда на насъ смотрѣли, а теперь хоть бы кто,— даже досадно“.

Тогда же о. Николай обратилъ свое вниманіе и на Суругадай. На немъ было жилище какого-то даймеона, съ высокой башней. „Вотъ откуда долженъ быть хорошій видъ на городъ“, подумалъ тогда о. Николай, и въ мысляхъ не имѣя, что лѣтъ чрезъ 25 на этомъ самомъ мѣстѣ воздвигнутъ будетъ православный храмъ и что онъ и будетъ его строителемъ.

Посольство вернулось въ Хакодате. Жизнь пошла своимъ прежнимъ порядкомъ. Тоже сидѣніе за книгами, тоже слушаніе разныхъ учителей, тоже изученіе Японцевъ. Однако, Богъ рѣшилъ быть церкви православной и въ Японіи. Какъ апостолы шли съ проповѣдью не туда и тогда, куда и когда имъ хотѣлось, а когда повелѣвалъ имъ Духъ Святой, такъ и наша миссія въ Японіи началась случайно, совсѣмъ не такъ, какъ думалъ и хотѣлъ ея основатель о. Николай.

Къ сыну консула часто ходилъ его фехтовальный учитель Савабе, „канниси“ (жрецъ синтоистскій, не буддѣйскій), самурай до мозга костей, съ сатанинской гордостью, и съ ненавистью ко всѣмъ иностранцамъ. Особенно непривѣтливо поглядывалъ онъ на будущаго миссіонера о. Николая. Съживая и безъ того маленькую фигурку свою, Савабе проходилъ всегда какъ-нибудь бокомъ, чуть не скрежеща зубами и бормоча что-то себѣ подъ носъ.

О. Николай это замѣтилъ, и старался узнать отъ Савабе причину его непонятной злобы къ нему.

Однажды, этотъ самурай пришелъ къ о. Николаю въ комнату.

„За что ты на меня такъ сердисься?“ спросилъ Савабе о. Николай.

— „Васъ иностранцевъ нужно всѣхъ перебить. Вы пришли сюда выглядывать нашу землю. А ты со своей проповѣдью всего больше повредишь Японіи“, злобно отвѣтилъ Савабе.

„А ты знаешь, какое мое ученіе?“

Злой, но честный Савабе поставленъ былъ въ тупикъ: онъ ничего еще не слыхалъ о христіанствѣ, и возставалъ противъ него просто потому, что это религія иностранная.

— „Нѣтъ, не знаю“, отвѣтилъ онъ о. Николаю.

„А развѣ справедливо судить, а тѣмъ болѣе осуждать кого-нибудь, не выслушавши его? Развѣ справедливо хулить то, чего не знаешь? Ты сначала выслушай, да узнай, потомъ и суди. Если будетъ худо, тогда и прогоняй насъ отсюда. Тогда ты будешь справедливъ.“

— Ну, говори, прорычалъ самурай, сурово скреживая свои руки на груди (обычная поза японца, когда онъ чѣмъ-нибудь обезпокоенъ, когда что-нибудь обдумываетъ или просто сердится молча).

О. Николай сталъ говорить. Говорилъ ему о Богѣ, о грѣхѣ, о душѣ и ея безсмертіи. Самурай по многу расправилъ свои руки, поднялъ голову,—вмѣсто безсмысленной злобы, въ глазахъ загорѣлся живѣйшій интересъ. Немного погодя, онъ уже досталъ изъ своего рукава (карманъ помѣщается въ широкомъ рукавѣ халата) книжку для замятокъ, карандашъ (почти каждый японецъ имѣетъ при себѣ и то, и другое, и записываетъ все, что его поразитъ, будетъ ли то какой-нибудь рассказъ или просто хорошій видъ по дорогѣ)... Началъ записывать слова о. Николая, и ушелъ потомъ глубоко задумавшись и обѣщая придти еще разъ.

Такъ положено было начало православной проповѣди въ Японіи. О. Николай, конечно, и вѣрить не хотѣлъ, чтобы что-нибудь вышло изъ этого фанатика, а Богъ его именно и предназначилъ въ первенцы японской церкви.

Онъ началъ ходить къ о. Николаю все чаще и чаще, закидывалъ его вопросами, сначала, какъ совопросникъ, а потомъ и какъ испытующій истину. О. Николай чрезъ нѣсколько времени далъ ему и Новый Заветъ, который прочтенъ былъ Савабе съ захватывающимъ интересомъ.

„Открыто читать эту книгу я не могъ, рассказывалъ потомъ на соборѣ самъ Савабе, а читать хотѣлось. Вотъ, я и выдумалъ читать въ то время, когда совершалъ службы въ своемъ мія (синтоистскомъ храмѣ). Положишь предъ собой Евангеліе вмѣсто языческаго служебника, да и читаешь, постукивая въ обычный барабанъ. Никто и не думаетъ, что я читаю иностранную ересь“.

Услышанная вѣра глубоко овладѣла сердцемъ Савабе. Онъ рѣшилъ бросить свое жречество и креститься.

Тайно совершенъ былъ и таинственный обрядъ. Савабе получилъ имя Павла, въ честь св. апостола, котораго особенно почитаетъ и которымъ восхищается о. Николай.

Этотъ новый христіанинъ началъ обращать въ христіанство своего пріятеля врача. Тотъ былъ грубѣе сердцемъ и потому долго не поддавался воздѣйствію вѣры. Постоянно въ его головѣ рождались все новые и новые вопросы и возраженія. Не одинъ разъ Павелъ приходилъ къ о. Николаю въ грустномъ настроеніи. Его другъ совѣмъ побѣдилъ его въ спорѣ, далъ ему такое возраженіе, что Павелъ принужденъ былъ молчать. Тогда о. Николай снабдилъ Павла

новымъ запасомъ, новыми силами. Онъ уходилъ повеселѣвши. Опять чрезъ нѣсколько дней является разбитый и унылый, опять его поднималъ о. Николай. Пока наконецъ не пришли они оба: Павелъ и его другъ, врачъ Сакаи. Этотъ тоже былъ крещенъ съ именемъ Іоанна. Впоследствии онъ сдѣлался другимъ свѣточемъ христіанства въ Японіи. Принявъ крещеніе, онъ сразу бросилъ все, всѣ свои привычки, всѣ слабости и изъ язычника послѣ крещенія, сталъ подвижникомъ.

Видя, что дѣло началось и вѣруя, что теперь оно пойдетъ и не остановится, пока не покроетъ всей Японіи, о. Николай тогда отправился въ Россію хлопотать объ открытіи Японской духовной миссіи.

Хлопоты, конечно, продолжались очень долго, что-то около двухъ лѣтъ пришлось пробыть въ Россіи о. Николаю, когда, наконецъ, его старанія увѣнчались успѣхомъ, миссія была утверждена, и миссіонерамъ было назначено жалованье. Это и были, на первыхъ порахъ, почти единственные средства народившейся миссіи. На это нужно было и себя содержать и всю церковь.

О. Николай возвратился въ свою Японію, теперь уже начальникомъ миссіи.

Между тѣмъ, посѣянное тамъ зерно не оставалось безплоднымъ: Павелъ и Іоаннъ потихоньку, въ дружескихъ бесѣдахъ проповѣдывали христіанство своимъ близкимъ друзьямъ. Все это дѣлалось секретно, крадучись, потому что тогда христіанство не было еще дозволено японцамъ. Проповѣдь шла во время прогулки за городъ, среди горъ окружающихъ Хакодате. Тогда обратились многія изъ теперешнихъ священниковъ, напр., о. Іоаннъ Оно, лучший проповѣдникъ въ японской церкви. Все это были сумараи, преимущественно сѣверныхъ провинцій, съ ихъ глухимъ выговоромъ и неизящными по японскимъ понятіямъ манерами. Все это были своего рода галилеяне, на которыхъ свысока смотрѣли остальные японцы. И здѣсь Богъ избралъ немощныхъ и бѣдныхъ міра, чтобы потомъ побѣдить богатыхъ и сильныхъ.

О. Николай, по возвращеніи, сталъ во главѣ своей малой общины. У него вскорѣ явился и помощникъ изъ русскихъ, о. Анатолій, впоследствии архимандритъ, теперь уже умершій.

Малое стадо группировалось около нихъ, борясь съ нуждой, но горя вѣрой и продолжая распространяться. То были по истинѣ героическія времена, напоминавшія первые годы христіанства. Община жила братски, дѣлясь другъ съ другомъ своими скудными достатками. Павелъ Савабе, конечно, бросилъ свое мѣя, началъ добывать себѣ пропитаніе трудомъ, къ которому онъ совсѣмъ не былъ способенъ. Выдумаетъ какое-нибудь ремесло, начинается работа всей семьей, продается то небольшое, что осталось, покупаются матеріалы, инструменты, чрезъ недѣлю все это летитъ въ трубу, и бѣдный Павелъ долженъ выдумывать что-нибудь новое. Продавъ онъ свою катану (саблю), продавъ все свое самурайское облаченіе. На это существовалъ. Врачъ Сакаи зарабатывалъ своимъ врачебнымъ искусствомъ и, что получалъ, приносилъ на общую пользу. И все это, вся эта братская любовь и общеніе были среди чуждой имъ и враждебной толпы языческой, все это таясь отъ взоровъ недоброжелателей.

Когда проповѣдь въ Хакодате уже утвердилась, нужно было думать о распространеніи вѣры и въ другихъ частяхъ Японіи.

Въ Хакодате остался о. Анатолій, Павелъ Савабе пошелъ въ свою родную столицу Сендай (можно назвать столицей сѣверной Японіи). О. Николай отправился въ Тоокео. Тамъ для него началось новое Хакодате. Нужно было заводить дѣло снова, изъ ничего.

Тоокео не вошло въ число городовъ, открытыхъ для европейцевъ. Оно только полуоткрыто: въ немъ, какъ и въ Оосака для евронеицевъ отведенъ одинъ только кварталъ (concession), гдѣ они могутъ селиться, торговать и прочее. Остальная часть города для нихъ—иностранный государственный, они могутъ ходить туда безъ всякихъ паспортовъ, но селиться тамъ и даже почевать—не могутъ.

О. Николаю пришлось нанять себѣ помѣщеніе въ Консешенъ. Это былъ самый маленькій домикъ, какой только можно себѣ представить. Было двѣ комнатки, изъ которыхъ въ большей могло помѣститься на полу, безъ всякой мебели, человекъ десять, другая же была совсѣмъ клѣтушка. Это тѣсное помѣщеніе и было яслями народившейся и теперь уже очень многочисленной тоокейской церкви. Много здѣсь пришлось переиспытать и перенести о. Николаю.

Большихъ трудовъ стоило ему сначала найти эту квартиру. Нѣсколько дней онъ провель, буквально, между небомъ и землей. Какой-то знакомый англичанинъ далъ ему пріютъ на ночь, а днемъ онъ бродилъ по городу, изучая его, присматриваясь къ народу; обѣдалъ по японскимъ гостинницамъ, стараясь какъ-нибудь наполнить день до того часа, когда ему можно будетъ возвратиться къ англичанину подъ кровъ.

Найдена квартира. Пошли новыя заботы: нужно было попробовать найти слушателей, притомъ секретно отъ властей, такъ какъ принятіе христіанства японцамъ еще не было разрѣшено. Послѣ разныхъ хлопотъ, при помощи знакомыхъ, наконецъ удалось собрать человѣкъ пятнадцать. Въ тѣсномъ домикѣ о. Николая открылась первая православная проповѣдь въ Тоокео. Слушатели наполнили „залу“, сидя чуть не другъ на другѣ, а самъ о. Николай, чтобы сохранить мѣсто, забрался въ меньшую коморку и оттуда, какъ изъ какого святилища или, проще, гнѣзда, проповѣдывалъ.

Конечно, періодъ оглашенія продолжался довольно времени. Многіе изъ начавшихъ слушать потомъ отстали, присоединились нѣкоторые новые, пока проповѣдь приняла видъ уже оглашенія въ собственномъ смыслѣ.

Между тѣмъ о. Николай не переставалъ, въ свободное время, изучать и японскій народъ. Онъ все ходилъ, со всѣмъ знакомился, ко всему прислушивался. Въ это время онъ свелъ знакомство съ однимъ бонзой, о которомъ потомъ много вспоминалъ съ хорошей стороны. Это былъ какой-то старый-престарый бонза, весьма ученый, и весьма правдивый, какихъ теперь въ Японіи уже нѣтъ. „Со всѣмъ святой человѣкъ, говорилъ про него о. Николай, кроткій, незлобивый, положительно не имущій ничего“. О. Николай нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ и о христіанствѣ. Тотъ всегда встрѣчалъ этотъ разговоръ съ улыбкой: „Знаю, знаю, все это, какъ у насъ. Это тоже самое“. И никакія убѣжденія не могли на него подѣйствовать. Онъ читалъ и Евангеліе. Но главнаго въ немъ не увидалъ и въ этомъ признаться не хотѣлъ. Въ его бѣдной комнатѣ висѣла большая картина буддійскаго рай. Любимой темой бонзы, при приходѣ о. Николая, было рассказывать ему, въ какомъ

теперь отдѣленіи долженъ быть онъ, бонза. Сообщилъ ему онъ и о числѣ прочитанныхъ молитвъ: „Наму Амида буцу“ („почитаю будду Амида“, постоянная молитва или восклицаніе буддистовъ въ Японіи). Я и за тебя молось“. О. Николай часто сиживалъ съ этимъ бонзой, говорилъ съ нимъ о вѣрѣ, о Японіи, о проповѣди христіанства. Къ послѣдней старый бонза относился очень благодушно.

Между прочимъ, рассказывалъ о. Николай и о вѣжливости, съ какой къ нему относились бонзы всѣхъ вообще тоокейскихъ храмовъ. Разъ онъ пришелъ слушать проповѣдь. Огромная зала храма была занята публикой. Всѣ, конечно, сидѣли на полу, поджавъ свои ноги. Бонзы хотѣли посадить своего гостя по-европейски. Стульевъ у нихъ не было. Тогда главный бонза, не долго думая, подвелъ о. Николая къ своему жертвеннику (который высотой немногимъ болѣе полуаршина), сдвинулъ въ сторону различныя курильницы и украшенія, и вѣжливо предложилъ о. Николаю занять тутъ мѣсто. И народъ совершенно спокойно смотрѣлъ на это поруганіе ихъ святыни.

Проповѣдь въ маленькомъ домикѣ о. Николая однако шла успѣшно. Двѣнадцать человѣкъ было наконецъ приготовлено ко св. крещенію. Тихонько ото всѣхъ совершено было св. таинство. О. Николай ликовалъ. Первый камень былъ положенъ. Можно продолжать.

Приходить онъ къ своему знакомому старику-бонзѣ. Тотъ протягиваетъ ему какую-то японскую тетрадку - рукопись. „На-ко прочитай“.

Взялъ о. Николай эту тетрадку, развернулъ и ахнулъ. Въ ней подробно описывался обрядъ крещенія, только что совершенный имъ, даже и рисунки приложены были. Вотъ тебѣ и разъ Пожалуй, правительство заставитъ прекратить проповѣдь, да и самого выселить изъ столицы. Кто-то выдалъ, или просто выслушалъ и донесъ.

Бонза между тѣмъ добродушно посмѣивался на испугъ о. Николая, и потомъ успокоилъ его, говоря, что ничего изъ этого не выйдетъ худого. Этотъ документъ, оказывается поданъ былъ въ какой-то ихъ высшій духовный совѣтъ, въ которомъ засѣдали трое самыхъ главныхъ и ученыхъ бонзъ (въ томъ числѣ и этотъ старичекъ). Тамъ хотѣли было поднять дѣло. но старичекъ заступился, и дѣло не состоялось.

Первое начало проповѣди въ Тоокео, такимъ образомъ, много обязано этому доброму бонзѣ.

Между тѣмъ жизнь Японіи шла своимъ чередомъ. Паль сѣгунъ, микадо вышелъ изъ своего почетнаго заключенія. Правленіе взяла въ свои руки европействующая партія. Японцы набросились на все европейское. Стали открываться всевозможныя школы съ преподаваніемъ на европейскихъ языкахъ: англійскія, французскія, нѣмецкія. Открыта и русская школа. О. Николай сдѣлался въ ней преподавателемъ, подѣливъ свое время между школой и проповѣдью, которая между прочимъ продолжалась и въ Concession. Слушателей было теперь уже больше, проповѣдь шла открыто. У о. Николая были уже и помощники изъ его первообращенныхъ. Павелъ Савабе былъ священникомъ и путешествовалъ по Японіи съ проповѣдью. Самому о. Николаю совершать этихъ путешествій было еще нельзя: иностранцевъ внутрь страны не пускали. Впрочемъ, и теперь проникнуть далѣе установленной черты можно только съ паспортомъ отъ министерства, а этотъ паспортъ можно получить только подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ: или нужно изучать языкъ, или доктора совѣтуютъ подышать чистымъ воздухомъ и т. п. Конечно, все это теперь пустая формальность, тягостная развѣ только для чиновниковъ, которые выдаютъ эти паспорта. Но эта формальность всегда можетъ и перестать быть формальностью, и тогда не скоро попадешь внутрь страны.

Куплено было мѣсто на Суругадаѣ. Начали одно за другимъ строиться миссійскія зданія. Стали заводиться миссійскія школы и т. д., и т. д. Жизнь забила ключемъ. О. Николай болѣе уже не училъ въ русской школѣ, весь отдавшись мисси. Онъ и богослужебныя книги переводилъ, и преподавалъ въ своихъ школахъ, и катехизацію велъ, и переписывался со всѣми своими священниками и катехизаторами, разбѣянными теперь уже по всей Японіи. Посвященный въ епископы, преосв. Николай сталъ вполне уже пастыремъ и главою своей юной церкви. Кромѣ нея нѣтъ у него ничего на свѣтѣ: ей онъ приноситъ весь богатый запасъ своихъ духовныхъ силъ.

Черезъ нѣсколько времени началъ преосв. Николай приступать къ исполненію своего завѣтнаго желанія: построить

на Суругадаѣ соборъ, который бы былъ достойнымъ представителемъ православной церкви въ Тоокео предъ глазами всего язычества и инославія.

Теперь и это желаніе исполнено. Скоро будетъ и освященіе собора. А тамъ опять неустанная дѣятельность: посѣщеніе церквей, переводъ богослужебныхъ книгъ, и конца не видно работы которую задалъ себѣ совершить преосв. Николай.

Теперь слышенъ и виденъ изъ моего окна пушечный салютъ. Это, должно быть императоръ провозгласилъ конституцію.

Моя квартира въ смыслѣ мѣстоположенія очень хороша. Миссійскій домъ стоитъ на самомъ обрывѣ Суругадая. Почти подъ окнами начинается цѣлое море домовъ, съ черными черепичными крышами, съ бѣлыми ширмами вмѣсто оконъ. Напротивъ, версты за полторы отъ насъ возвышается другою такой же холмъ, на которомъ расположенъ императорскій дворецъ, съ его огромными зелеными валами, съ его бѣлой казармой, и густымъ императорскимъ садомъ. Съ этихъ валовъ ежедневно въ полдень дѣлается пушечный выстрѣлъ. Оттуда же салютуютъ и теперь.

Влѣво отъ дворца почти до горизонта раскинулось Тоокео. А дальше на самомъ горизонтѣ виднѣется полоска моря. Здѣсь оно всегда свободно. Нѣтъ на немъ того лѣса мачтъ, какой всегда можно видѣть въ большихъ приморскихъ городахъ: заливъ здѣсь мелокъ, портъ поэтому перенесенъ отсюда въ Екогаму.

На право горизонтъ не такъ широкъ. Мѣстность тамъ возвышенная и нашъ Суругадай надъ ней не господствуетъ. Зато издали, изъ-за горизонта здѣсь поднимается сахарная Фузи-санъ. Верхушка ея теперь бѣлая отъ снѣга. Говорятъ до нея что-то около 40 японскихъ „ри“, т. е. отъ 150 до 160 верстъ. Въ ясную погоду ее видно счень хорошо. Закрывается она мглой, стало быть нужно ждать дождя.

17-го Ноября.

Вчерашнее письмо на почту не отослано, прибавлю кое-что. Вчера много ходилъ по городу, осматривая его достопримѣчательности.

Въ часъ послѣ полудня мы, съ С. С. Міемъ, японцемъ-кандидатомъ Кіевской академіи, отправились въ Уено. Это ничто иное, какъ большой паркъ, которому пришлось служить совсѣмъ для различныхъ цѣлей при старомъ и новомъ правленіи. Прежде это было мѣсто священо, усыпальница сегуновъ. Тамъ были только буддійскіе монастыри, да бонзы. Царствовала не возмутимая тишина. Говорятъ, тамъ жили свѣтила буддійской учености, привлекавшія къ себѣ учениковъ со всей Японіи. Теперь это мѣсто народнаго гулянья, съ его шумомъ, многолюдствомъ, съ разными „ча-я“, т. е. по нашему трактирами. Есть впрочемъ, и теперь аллеи особенно вблизи древнихъ храмовъ, гдѣ по прежнему тихо. Съ удовольствіемъ останешься тамъ подольше. Такъ хорошо подъ этими гигантскими столѣтними деревьями, вдали отъ надоедливаго базарнаго шума. Не даромъ много здѣсь было глубокихъ мыслителей.

Эти двѣ исторіи прежняя и новая такъ и встаютъ предъ вами, когда вы вступаете въ Уено. Съ одной стороны, кричитъ на васъ со всѣхъ сторонъ новшество, европеизмъ, начиная отъ затасканныхъ костюмовъ европейчающихъ японцевъ и кончая картинной выставкой, гдѣ собраны картины японскихъ художниковъ на европейскій ладъ. Съ другой же, вы повсюду встрѣчаете остатки прежняго сегунскаго величія. Вотъ главная аллея ведущая къ монастырю-усыпальницѣ сегуновъ. Во всю свою длину она уставлена каменными буддійскими фонарями-памятниками. Это все приношенія почившему сегуну отъ его вассальныхъ князей. Подходите вы къ молчащему храму, или точнѣе къ оградѣ храма, съ запертыми на глухо воротами, здѣсь по ту и другую сторону воротъ уже цѣлый лѣсъ такихъ фонарей, поставленныхъ прямо въ кучу за неимѣніемъ мѣста. Внутри намъ не пришлось проникнуть, такъ какъ ждали какихъ-то родственниковъ бывшаго сегуна и готовились къ ихъ приему.

Немного далѣе намъ покажутъ ворота всѣ прострѣленные пулями и истыканныя штыками. Это слѣды послѣдней битвы сегунскихъ войскъ съ императорскими. Есть въ Уено и памятникъ сегунскимъ защитникамъ, павшимъ въ эту битву. Есть гигантская статуя Будды, въ сидячемъ положеніи. Будда сидитъ, поджавши ноги по турецки и сложивши на коленахъ руки. Не смотря на безобразныя раз-

мѣры этой статуи, лице Будды не производитъ отталкивающего впечатлѣнія. Онъ точно спитъ. Лицо женственное: это, говорятъ, для того, чтобы выразить незлобивость и кротость Будды. Статуя вылита изъ бронзы и теперь почти чернаго цвѣта. Рядомъ съ ней въ старину былъ большой храмъ, но во время битвы сгорѣлъ до тла.

Изъ позднѣйшихъ новшествъ въ Уено есть музей японскихъ древностей и постоянная выставка товаровъ, такъ называемое, канкоба. Что-то среднее между пассажемъ и простымъ балаганомъ. Тамъ продается всякая всячина. Больше всего, конечно, лаковыхъ вещей, на которыя японцы большіе мастера.

С. С. Мій потомъ сводилъ меня посмотрѣть на здѣшній японскій университетъ. Огромная площадь занята зданіями разныхъ факультетовъ (есть и инженерный). Зданія все европейскія. Въ нѣкоторыхъ помѣщается и общежитіе студентовъ, которые, конечно, носятъ европейскую форму. Много въ университетской оградѣ отдѣльныхъ маленькихъ домиковъ, тоже европейской постройки, это—квартиры для профессоровъ — европейцевъ. Теперь ихъ становится все меньше и меньше. Японцы стараются занимать освободившіяся вакансіи своими, а вакансіи освобождаются просто съ окончаніемъ контрактовъ. Разъ приготовленъ преемникъ изъ японцевъ, съ отслужившимъ свой срокъ профессоромъ просто раскланиваются, не давая ему иногда позволенія даже продать своихъ вещей въ профессорской квартирѣ: европейцы-де не могутъ торговать внѣ указанной черты. Какъ идетъ дѣло у теперешнихъ профессоровъ японцевъ, не знаю. Въ газетахъ иностранцы подсмѣивались надъ этими профессорами. Говорятъ, что они усердно стараются во всемъ походить на своихъ предшественниковъ-европейцевъ: такъ же сидятъ на каедрѣ, также напяливаютъ на свой носъ очки, даже и читаютъ по тѣмъ же рубрикамъ, только въ результатѣ случается нѣсколько не то.

Зашли потомъ въ гости къ Мію. Онъ женатъ на христіанкѣ и живетъ въ полу-своемъ домѣ, т. е. купилъ домъ безъ земли, за землю же платитъ помѣсячно. Въ Тоокео, говорятъ, большинство домовъ стоятъ такимъ образомъ на квартирахъ. Обстановка въ домикѣ Мія вполне японская. На полу мягкія циновки, мебели не полагается. Угощали

чаемъ и японскимъ печеніемъ, все это ставится прямо на полъ. Чистота вездѣ образцовая. Жена Мія не говоритъ по русски. Пришлось пустить въ ходъ весь свой убогій запасъ японскихъ словъ.

Я, вѣдь, теперь регулярно изучаю японскій языкъ. Тотъ самый старичекъ, котораго мы видѣли при нашемъ первомъ прибытіи въ миссію въ семинарскомъ классѣ за чистописаніемъ, теперь состоитъ нашимъ учителемъ. Каждый урокъ начинается, конечно, шипѣньемъ, поклонами и присѣданіемъ. Прекрасный учитель, только онъ изъ вѣжливости иногда не поправляетъ ошибокъ и получается въ концѣ концовъ не совсѣмъ пріятный результатъ. Въ свое время этотъ старичекъ былъ передовымъ человѣкомъ, одинъ изъ первыхъ въ Японіи началъ изучать французскій языкъ. Опъ и теперь при всякомъ случаѣ старается выказать свои познанія. „Пути“, слышите вы за урокомъ. Это значитъ: „пти“, т. е. малый.

Мы покуда еще стоимъ въ сторонѣ отъ здѣшней жизни. Только посматриваемъ. А дѣло здѣсь кипитъ. То классы, то пѣніе сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Преосв. получаетъ постоянно массу писемъ отъ своихъ катихизаторовъ и священниковъ. Каждый изъ нихъ обязанъ ежемѣсячно писать епископу о состояніи своей церкви. Катихизаторовъ и священниковъ теперь до 150, — ежемѣсячно, слѣдовательно, присылается 150 обязательныхъ писемъ, да сверхъ того еще необязательныя. Притомъ, японецъ всегда считаетъ долгомъ сдѣлать къ письму громаднѣйшій и по возможности пустой приступъ, а въ концѣ письма непременно извинится, что написалъ только два дюйма, хотя бы читатель скорѣе склоненъ сказать, что письмо больше двухъ сажень. Японскія письма пишутся на мягкой японской бумагѣ шириною въ нашу обычную почтовую четверку, а длиною по желанію и по способности писца. Исписалъ одну полоску бумаги приклеиваетъ (узкой стороной) къ ней другую, потомъ третью. Неудобно ли осилить 150 такихъ епистолій. Преосв. все это читаетъ самъ. Кромѣ того по утру ходитъ преподавать въ катехизаторскую школу въ Коози-мацѣ. Послѣ обѣда имѣетъ уроки въ здѣшней катихизаторской школѣ. Потомъ переводъ книгъ, потомъ постройки, потомъ разные отчеты, потомъ безконечные посѣтители. Нужно на все это много

энергіи и преданности дѣлу, тѣмъ болѣе что удовольствіе получаемое отъ этого дѣла (разсуждая по человѣчески) не можетъ сравниться съ тѣми печалями и муками, какія оно доставляетъ. Не даромъ преосв. говоритъ: „Бываютъ минуты, когда васъ точно бичемъ по ранамъ начнутъ хлыстать“, просто мѣста не найдешь себѣ отъ нравственныхъ мученій. Ночи по три подъ рядъ не спишь. „Доставляетъ постоянныя мученія скрытность японцевъ отъ иностранцевъ, нѣкоторая отчужденность ихъ отъ насъ (конечно, не всѣхъ). А потомъ не устойчивость ихъ. Все идетъ прекрасно, вдругъ подъ какимъ-нибудь вліяніемъ японецъ можетъ поднести вамъ такую пилюлю, какъ говорится, что не скоро придешь въ себя.

Впрочемъ, дѣло Божіе идетъ, не смотря на эти темныя облачка. Пожалуй и лучше, что христіанство принимается здѣсь не для миссіонеровъ: такимъ образомъ оно прямо можетъ стать на національную почву, и слѣдовательно незыблемо укорениться.

Былъ нѣсколько разъ за здѣшной службой. Поютъ прекрасно, хотя иной разъ и развѣзжаются врозь. Но это рѣдко. Регентъ жалуется на недостатокъ у нихъ слуха. Это и понятно, потому что пѣнія въ нашемъ смыслѣ слова у японцевъ почти нѣтъ. Ихъ музыканты не считаютъ особеннымъ преступленіемъ драть въ рознь съ аккомпаниментомъ. Впрочемъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученія въ школѣ у ребятъ иногда образуется слухъ. Одинъ даже вышелъ довольно хорошимъ регентомъ.

О. А. уѣхалъ въ Харкодате. Недѣли черезъ двѣ, когда пріѣдетъ оттуда настоятель посольской церкви, уѣзду отсюда и я въ Оосака, японскую Венецію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архимандритъ Сергій.
